

Йордан Люцканов

Гений и толпа народов:

«День русской культуры» в русских
эмигрантских газетах Болгарии в 1929—1933 гг.

---

1. Мы попытаемся продумать тематику мессианизма, литературы и рынка, опираясь на анализ образцов *культуры газеты* эмиграции «первой волны». Под «культурой газеты» мы понимаем, во-первых, обоюдную адаптацию газетного медиума и установок «высокого» литературоцентризма и, во-вторых, культуру оформления газетного пространства. Рядопологая мессианизм, литературу и рынок, мы намекаем на свое намерение обратиться к теории поля художественного произведения Пьера Бурдьё.¹ Газету, а в частности и в особенности эмигрантскую праздничную газету, можно читать как карту состояния поля культуры; ряд однотипных газетных номеров — как диаграмму изменений в этом поле.

В эмиграции русская художественная и интеллектуальная культура освободилась от гипертрофированной опеки собственного государства. В зависимости от политических условий соответствующей страны рассеяния, она терпела более или менее сильное, более или менее целенаправленное давление поля чужой мирской власти, а также своей, русской, духовной власти. Давление последнего наверное возросло. Мож-

---

© TSQ № 44. Spring 2013. © Yordan Lyutskanov, 2013.

¹ Мы опираемся на его «Правилах искусства» (болг. перевод: Пиер Бурдийо, *Правилата на изкуството: генезис и структура на литературното поле*, София: Дом на науките за човека и обществото, 2004), учитывая экстраполируемость методологии на динамические структуры разных порядков (литература, искусство «в принципе», культура (как отличное и равноудаленное и от политики и от рынка)).

но также полагать, что в эмиграции увеличился и удельный вес давления рынка.²

В лице праздника Дня русской культуры русская культура, точнее ее эмигрантская ветвь, празднует свой литературоцентризм.³ Организация газетного пространства свидетельствует 1) об убежденности, что (литературоцентрическое) сознание может и должно определять (социальное, политическое, экономическое, психофизиологическое) бытие⁴ и 2) о том, что это сознание имеет большую спаивающую силу, чем сознание этноконфессиональное (центрированное на национальной общине верующих в Христа). Предложение закрепить праздник русской культуры за днем Владимира Крестителя (и предпочесть его дню Александра Пушкина) не находит достаточного числа приверженцев.⁵

Несмотря на укорененность литературоцентризма в кругах более или менее либеральной интеллигенции, ему этноконфессиональное самопревозношение, или мессианизм, не чужд. Умеренные варианты последнего пронизывают семантику праздничных номеров. Насколько можем судить, речь не может идти об уступке; доля этноконфессиональной иступленности имманентна русскому литературоцентризму.⁶ Празд-

---

² В общем смысле это предположение поддерживается данными о системных экономических трудностях издательского дела эмиграции (см. Mark Raeff, *Russia Abroad: a cultural history of Russian emigration, 1919–1939*, New York: Oxford UP, 1990, 75 и др.).

³ Марк Раев считает, что в эмиграции литература повысила свою и так первостепенную значимость для русской коллективной идентичности (Raеff, 10).

⁴ С этим связан и иммунитет празднующих к обвинениям типа «устраиваете пир во время чумы». Уступки данной ригористической позиции наблюдаются по поводу других праздников — показательна газетная рубрика «Взамен праздничных визитов» (поличный список пожертвований в пользу, напр., несостоятельных студентов). Отказ отмечать ДПК в газете характерен для «нерукоположенного» «правого авангарда» (НСНП и «За Россию» и др.).

⁵ В эмиграции сохраняется интеллигентский анти-церковный комплекс (ср. Raeff, 130), что, видимо, следует считать основной (и общего порядка) причиной этого неуспеха.

ничные номера воплощают литературоцентризм как раз в этой его «окрашенности».

Христианоцентризм альтернативного чествования праздника тоже не отменяет момента этноконфессионального самопревозношения, как показывает анализ однодневной газеты, воплощающей клерикальный взгляд на праздник. При этом факт выделенности альтернативного чествования в однократную газету требует дополнительного осмысления.

Культура газеты выдвинула соответственный своему времени и своим возможностям продуцирования художественных и культурных смыслов ответ пушкинскому «Я памятник себе воздвиг...».

На протяжении лет, успех в воздвижении этих «памятников себе» неровный. Причем, по-видимому, дают рынок и повседневные интересы общественности, а не Церковь (Карловацкий Синод) и не христианоцентрическая альтернатива. Давление чужой (болгарской) мирской власти ощущается еще слабее. И «царь», и «патриарх» с успехом интегрированы в хронотоп авто-мемориализации и авто-монументализации. Но литературоцентризм не сразу приходит к автомонументализации и сравнительно быстро погружается снова в невыделенность. Лишь в порядке исключения весь номер однодневной газеты уходит на материалы по случаю праздника.

Одушевленный христианским гуманизмом литературоцентризм порождает и формы, в которых отливается его взаимодействие с рынком. Но эти формы отодвинуты от праздника к повседневности, они остаются за рамками праздничного номера.

2. «В 1924 г. в день 125-летней годовщины со дня рождения великого русского национального поэта А. С. Пушкина, 8 июня по новому стилю, в Эстонии Русской колонией был устроен праздник „День Русского Просвещения“. Праздник этот про-

---

⁶ Ср. работу Харши Рам (Harsha Ram, *The imperial sublime: a Russian poetics of empire*, Madison: Wisconsin UP, 2003, 9–10, 174–176, 196–197, 211): постепенный переход литературы, после Державина и начиная с Пушкина и Лермонтова, к режиму самопревозношения (вместо превозношения мирской власти).

шел чрезвычайно удачно и в этом же году в Праге, в центре сосредоточения русской научной мысли, было решено ежегодно, приблизительно в это же время, праздновать Русский праздник, назвав его „Днем Русской Культуры“. Примеру Праги последовали и другие города и государства, и уже в следующем 1925 году, мы видим празднование „Дня Русской Культуры“ в тринадцати странах Европы и Америки». Так пишет священник Михаил Шишкин в 1929 году.⁷ Знаменательна абберация в культурной памяти эмиграции. Согласно справочникам, Пушкин родился не восьмого, но шестого июня нового стиля, тогда как дату восьмое июня можно считать датой его крещения. Тем не менее, эмигрантские источники ориентируются на восьмое число, упорно называя его днем рождения.⁸ Под именем рождения празднуется крещение.

1926-й год. В Варне выходит однодневная газета.⁹

3. 1929-й год. Подспудная воцерковленность коллективного сознания празднующих мирской праздник дает о себе знать. В Пловдиве выходит отдельная однократная газета. Она приурочена ко дню Пушкина, но выраженная в ней точка зрения на русскую культуру безусловно клерикальна. Ее можно передать так: Пушкин — ветвь дерева, посаженного Владимиром Святым.¹⁰ Предложение приурочить ДРК ко дню князя Владимира Крестителя озвучено в статье епископа Дамиана «Ко дню русской культуры». В зеркале данной однократной газеты, центр русской культуры смещен от литературы к ансам-

---

⁷ Свящ. Михаил Шишкин, «День русской культуры», *День русской культуры. Однодневная газета*. Пловдив. Philipopol. 8 июня 1929, 1.

⁸ Подробнее см.: Йордан Люцканов, «День русской культуры [1929]», *Периодика на руската емиграция в България (1920—1943): енциклопедичен справочник*, редкол. Радостин Русев и др., София: ИЦ Боян Пенев; Изток-Запад, 2012, 223. Имеется также случай приурочения рожденной даты Пушкина к седьмому июню нового стиля.

⁹ О ней см.: Радостин Русев, «День русской культуры [1926]», *Периодика...*, 216—221.

¹⁰ Б. Остроумов, «Владимир Святой (как основатель русской национальной культуры)», *День русской культуры...*

блю церковно-воинских искусств, а также, менее отчетливо, к книжности.¹¹

Клерикальный извод русской эмигрантской культуры ассимилятивен, наступателен в отношении культурной инаковости местных. Это тем знаменательнее потому, что претензия на первенство заявлена очень тонко. Однодневная газета 1929 года прочерчивает экклессиальный хронотоп, выходящий за границы собственно газетного листа. Хронотоп населяется болгарами, греками, русскими (и армянами)¹², но роль именующих и собирающих признается за русскими. Это заявлено оповещением места издания газеты на двух языках — болгарском и вроде бы греческом. Форма «Philippopol» кодирует память об антично-греческой идентичности города, а также национальную принадлежность источника артикуляции: русскую: не «ropol» и не «ropolis», а «ropol». Будучи произнесенным по-русски, имя города теряет безударное «о». Подчеркивается то, что греческая, а почему нет и мультикультуралистская точка зрения на Балканы, оглашается на русском языке. Мы приближаемся здесь к этимологическому значению слова «эκκλeσιa» — общность созываемых (и народное собрание, и собрание народов, и церковь).¹³

Однодневную газету 29-го года можно считать первой в своем роде, а точнее *предварительной*, «вылазкой» *консервативного авангарда* русского эмигрантского общества в Болгарии. Эта газета как бы разрывается в своей промежуточности, и принадлежа сугубо консервативным кругам, и выражая вз-

---

¹¹ Как писал Марк Раев, интеллигенция и клерикальные круги по-разному расценивают религиозную составляющую русской культуры (Raeff, 131).

¹² О чем догадываемся, ср.: «Самой старой русской общественной организацией в Пловдиве является Русский православный приход, образовавшийся вскоре после прибытия Русских в Болгарию. [...] Церковные службы совершаются с присущей русскому духу вдохновенностью и стройностью, чему содействует и русский церковный хор [...] храм охотно посещается болгарами, греками и армянами» (К., «Русские общественные организации в Пловдиве», *Голос*, № 8, 26 дек. 1928).

¹³ Подробнее см. в: *Периодика...*, 225—226.

гляды, ассоциируемые с *правым* авангардом.¹⁴ Газета выражает не только альтернативный взгляд на русскую культуру, но и альтернативную либеральной модель культуры, альтернативную телеологию автономии поля культуры: телеология *автономии, отказывающейся от автономности*. Но газета 29-го года не имеет потенциала воспроизвести себя, стать «авангардом не-рукоположенным», авангардом не «правым» и не «левым», но данного временного отрезка (т. е. «авангардом» в смысле Бурдые).

В том же, 29-м, году крупнейшая газета русской эмиграции в Болгарии тех лет, претендующая на международную значимость, «Голос», уделяет мало внимания Дню русской культуры, но еще в апреле дает знать о его возрастающем значении, публикуя коллективный циркуляр ряда общеэмигрантских организаций (№ 77, 21 апр. 1929, «О праздновании дня Русской культуры в 1929 г.»). «Благодаря участию в праздновании иностранцев „Д. Р. К.“ кроме своего основного значения — русского праздника — служит и средством закрепления того места, которое завоевывает себе русская культура на Западе».

4. 1930-й год. В № 241 от 8 июня и в № 242 от 12 июня газета молчит. В № 243 от 15 июня — близкая по своей интонации к сенсационности новость: «Выстрел на Дне русской культуры», в Ужгороде. И все. Праздник отмечен в № 244, от 19 июня. Первая страница «нема». Это при том, что каких-нибудь особенно первоочередных тем не было; нашлось места и для пяти строчек о футбольном матче Болгария — Югославия. Празднование как будто спрятано «за пазухой», на внутренних страницах — нижние половины второй и части третьей. Эти 40% разворота играют роль дискретного композиционного центра. Это постигнуто прежде всего визуальными средствами: учащенным чередованием жирного и нормального

---

¹⁴ Правомерность понятия «правого», или «консервативного», авангарда показана в классическом труде Поджолли (Renato Poggioli, *The theory of the avant-garde*, Cambridge (Mass.) and London (Eng.), The Belknap Press of Harvard UP, [б. г.: дигитальный репринт издания 1968 г.], 221—222, 212—213).

шрифтов, а также большим количеством «воздуха», белого поля, около одного из помещенных там текстов, около стихотворения.¹⁵ В верхней части разворота помещены корреспонденция из города Шумена; очередной выпуск «Дневника музыканта» Леонида Гончарова; два хроникальных сообщения (о делегатском съезде русских инвалидов и о Крестовоздвиженской русской гимназии в городе Пещера). Пятая доля разворота, два столбца с правого конца, занята предлинным «письмом» «из Америки» (о танках и о советофильской политике британского премьера Макдональда). Короче, разворот демонстрирует равновесие между эмигрантским повседневом, праздником русской культуры и перспективами мировой политики.

Часть эмигрантского повседнева — праздники местной национальной общности. Корреспонденция Александра Дехтерева из Шумена посвящена в самом деле воздвижению памятника «апостолу» болгарской национальной революции Панайоту Волову, случившемуся восьмого июня. Дата совпадает с датой и воздвижение — с воздвижением. «Архитектура»¹⁶ номера связана с тонким и недовыговоренным параллелизмом, тонким и динамическим равновесием. На уровне газетной композиции, праздник местной культуры ненавязчиво объемлет праздничный хронотоп культуры русской, праздновать означает воздавать должное не только себе, но и ближнему. В праздничный хронотоп втянуто и музыкально-критическое эссе в форме дневниковой записи Гончарова. За поверхностным посланием: через регулярную «музыкальную жизнь» обыденность *возделывается* и возвышается до праздника — проступает еще одно: культура — в данном случае русская — заключается в прочтении, в истолковании. В том и схожесть с корреспонденцией из Шумена. Ученики Шуменской рус-

---

¹⁵ Выделение стихотворения отнюдь не часто в оформлении эмигрантской газеты, показывает наш опыт.

¹⁶ Димитър Георгиев, *Архитектура на вестника: някои тенденции в графичното оформяване на вестника*, София: Наука и изкуство, 1982 (3-е, перераб. и доп. изд.). О рациональной основательности метафоры «архитектура» — с. 55—57 (и др.).

ской гимназии подносят венок болгарскому национал-революционеру, русский музыкальный критик комментирует постановку «Дон Жуана» болгарской оперой. Культура — в почитании и в понимании чужого. И «синтаксические», и «семантические» пласты архитектуры данного газетного номера внушают: русской культуре присуще скромное самоуважение и ненавязчивое внимание к ближнему. Тем самым редакция ненавязчиво колеблет клише о «всемирной отзывчивости русской души». Ироническому вопрошанию подвергаются и позиция стоящего за ним субъекта, и интонация, и все синтагматические элементы клише в отдельности. Например, «всемирность». Тема всемирности иронически отзывается, независимо от намерения редакции, в вышеупомянутом «письме из Америки», обсуждающем поставку танков советской власти: мир — это пространство *моей* геополитической озабоченности.

Попытаемся назвать главные стилевые признаки этого газетного номера, точнее — решения темы «День русской культуры» в 1930 году: ненавязчивость до имплицитности, инклюзивность, самоирония. Эти признаки, как нам кажется, не могут не указывать на патрона праздника — Александра Пушкина. На этом фоне значимо отсутствие церковно-религиозной темы (или двоетемия). Может, ее присутствие обнаружится при внимательном прочтении пока лишь бегло просмотренных текстов. Так или иначе, номер ненавязчиво выражает точку зрения либеральной интеллигенции, находящейся в потенциальной оппозиции (но не более, чем потенциальной) к Карловацкому Синоду и к клерикалистской перспективе на русскую культуру.

Просматриваем материалы в собственно праздничном участке разворота: куски текста, коротко повествующие о праздновании в Софии, Франции, Лондоне, Остроге на Вольни, Дубно. Этот рассказ о, так сказать, праздничных подношениях общин диаспоры увенчивается непосредственным жестом подношения от эмигрантской общины города Ниццы во Франции, точнее — от Кружка молодежи по изучению русской культуры в этом городе. Стихотворение, озаглавленное

«С Днем Русской Культуры», имеет подзаголовок «26-го мая — 8-го июня», подписано К. Вогак, затем — председательницей упомянутого Кружка Н. Томиловой, наконец — секретарем Ириной Александровой. И своим паратекстом, и своим текстом стихотворение воплощает богомольное благочиние, которое на первый взгляд не колеблет клерикальную перспективу на русскую культуру. Но, все-таки, день праздника указан и, кроме того, перечисляемые в стихотворении топоры русского религиозного самосознания признаются живыми в силу того, что они воспоминаемы. Тем самым объект богомольного благочиния двойится, условно, на *дела* и на *воспоминающие слова*, и предпочтение ненавязчиво отдается вторым. Русской помнящей молодежью в рассеянии воздвигнут памятник себе, молча посвященный Пушкину. Пространство газетного разворота организуется как церковное, как «экклесиальное» пространство: в центре — памятник Пушкину, Святой Руси и себе; около него — полоса празднующих эмигрантских общин; наконец — внешняя полоса, принадлежащая и повседневию диаспоры, и, так сказать, «оглашенным» во русской культуре, и просто «язычникам». Центральный участок характеризуется наибольшей плотностью, в том числе контрастов: это, во-первых, чередование катренов и больших пробелов и, во-вторых, только в стихотворении обозначен самый плотный рубеж в физическом мире, граница, отделяющая эмигрантов от подсоветских людей («Тем, кто в рассеянии, и тем, кто там в неволе — » — возглашает первый стих). Границы же между поясами, или, точнее, концентрическими крутами — пористые.

Факт непроизнесения имени Пушкина на пространстве номера можно считать дипломатическим жестом к точке зрения на день русской культуры, защищаемой Карловацким Синодом. Факт намеренного — или ненамеренного — отодвижения праздничного номера во времени (19 июня) чревато тем же эффектом.

В 1930 году интеллигентская республика памятующих Пушкина, аналог автономного поля культурного производства в масштабе российской эмиграции, спокойно игнорирует давление рынка и приемлюще-примирительно относит-

ся к альтернативной идее русской культуры, клерикальной, кажущейся отсюда выражением поля власти, фактором гетерономии.¹⁷

5. В 1931 г. чествование Дня русской культуры на страницах «Голоса» достигает своей кульминации. Интровертированность меняется на экстравертированность, установка на полу-заметность — установкой на монументальность. Обмирщенно-мессианское понимание концентрической структуры универсума подвергается экспликации. На этой структуре накладывается романтическая диспозиция «гений — толпа». В результате гений русской культуры оказывается окруженным совокупностью деперсонализированных и детипизированных¹⁸, т. е. толпой, народов, в рамках пространства имперского. Гений же уже назван — Пушкин; это имя уже не вверяется вдумчивости читателя. Функция гения указана уже в дискурсивном тексте, а не в стихотворении; и оказывается чуть иной: не воссоздание в памяти становления Святой Руси, а воспевание, восстановление ради, Российской империи. Экспликации, маньеристской полу-буквализации подвергается и композиционная слаженность газетного номера: архитектоника, а точнее архитектура газеты обретает четкий контур, на грани буквальной визуализации архитектурности газеты, на грани авто-рефлексивности.

---

¹⁷ В последующем номере «Голоса», 245-ом от 22 июня, помещена статья Ивана Чаусова «Русская культура». Она снабжена двумя примечаниями: «Настоящая статья была написана ко „Дню Русской Культуры“, но по техническим причинам своевременно не могла быть помещена»; и: редакция «не считает данное в настоящей статье определение русской культуры исчерпывающим [...] русскую культуру нельзя представить без преп. Сергия Радонежского, но в такой же мере немислимо представить себе Россию без Петра Великого. [...]». Чаусов — учитель в училище для священников в Бачковском монастыре (Адрианополски епископ Евлогий, «Учители-белоемигранты в Пловдивската духовна семинария», *Бялата емиграция в България*, редкол. Георги Марков и др., София: Гутенберг, 2001, 375), наверное человек из круга деятелей, выпустивших однодневную газету 1929 года. Интеллигентская автономия предоставляет место инакомыслящим, но при этом указывает на факт инакомыслия.

¹⁸ Ср.: Сергей Аверинцев, «Риторика как подход к обобщению действительности», *Поэтика древнегреческой литературы*, отв. ред. С. С. Аверинцев, М.: Наука, 15—46 (с. 24).

Интеллигентская автономия обретает классическую законченность, наполняя собою весь мыслимый мир — если считать праздничный номер микромоделью мира. Она овладевает центральным медуимом эпохи «восстания масс» — газетой. Все материалы в номере (347-ом от 14 июня), в котором нет ни единой рекламы, посвящены празднику.

Композиция заглавной страницы дает два обобщенных графических образа, ассоциируемых со столпом/памятником (слева) и домом (справа). Не лишенный иллюзионизма образ памятника сочетает «плоскостный» стиль и стиль пластически-выдвинутый: постамент, или столп стихотворения Любови Столицы «На день Русской Культуры» шириной в два газетных столбца увенчан портретом Александра Пушкина. Условный образ дома решен в идеографическом стиле: «Г»-образная форма статьи «Судьба русской культуры» не то подслоняет, не то поддерживаема столбиком стихотворения Александра Федорова «Пушкин» (с подзаголовком: «Ко Дню Русской Культуры»).

Статья, связующая «лицо» и «нутро» газеты, «Судьба русской культуры» (подзаголовок: «Изложение доклада, сделанного в день русской культуры¹⁹ в Ст. Загоре») Петра Бицилли выговаривает основной тезис классицистично-романтической адаптации «экклесиального» хронотопа: перед лицом гения русской имперской культуры все народы, и бурят и грузин, равны, то есть равны в своей малости, в недостаточности собственного культурного потенциала.²⁰ Различение народов производится по другому признаку: они делятся на принадлежащие русскому культурному «приходу», на не принадлежащие ему (это поляки, финны) и на попадающие в промежуточную полосу неопредмеченности, отсутствия эксплицитной приуроченности (именно в этой полосе находятся армяне и болгары).

Статья, утверждающая неотрешенность «интеллигентской автономии» от Церкви, помещена в верхней срединной части

---

¹⁹ Здесь и выше сохраняем строчные и заглавные буквы оригинальных заглавий.

²⁰ Подробнее см. в: *Периодика...*, 143.

внутреннего разворота: «Культура духа» протопресвитера Георгия Шавельского. Шавельский, конечно, платит дань установке на указание вершинных достижений русской культуры ее классического века, но сосредоточивается на облагораживающем, одухотворяющем человеческое естество характере культуры. Мировоззренческо-стилевая установка на *кеносис* в статье Шавельского мягко противостоит преобладающей в газетном номере неоязыческой установке на *апофеозис*, и, находясь в графическом центре газеты, почти уравновешивает ее. Но статья знаменует не столько временное равновесие сил, сколько возможность компромиссно-инклюзивных, синтетических формул. Так, Церковь оказывает «безгранично сильное влияние» на русскую культуру XIX века даже в тех случаях, когда ее представители безразличны к ней или против нее бунтуют, а литература того века, «по меткому выражению чешского ученого Копаяля», «есть возрождение христианского востока» («Голос», № 347, с. 3). С такой точки зрения, приурочить День русской культуры к персоне классика XIX века становится и с церковной точки зрения более осмысленным и выигранным, чем приурочить его ко дню Владимира Крестителя. Шавельский также высказывает основной мессианский тезис русской эмиграции: русской культуре пал тяжелый жребий большевизма в урок всему миру. Отсюда понятно, что, поскольку такая точка зрения не личное мнение Шавельского и не маргинальная, можем считать любое произведение, повествующее о подсоветском испытании человечности, а также о невосприимчивости иностранного уха к этим рассказам, мессианским; продлевающим мессианскую традицию отнюдь не метафорично. Читатель подпадает под впечатление, что мессианизм замкнутой ветхозаветной общины (с чем можно сравнить культурный проект епископа Дамиана Карловацкого Синода) заменяется мессианизмом предупредительного благовествования.²¹

---

²¹ Статья Шавельского — один из многочисленных опытов превратить *соседство* двух концепций Дня русской культуры (неоднократно в номерах, соседних праздничному номеру, посвященному дню Пушкина, помещаются тексты, посвященные деятелям русской культуры из числа духовенств-

Искусства и культура, в традиционном для Нового времени светском их понимании, неавтономны не только в ультраконсервативной (но с оттенками консервативного авангарда) картине мира, которую мы связываем с Карловацким Синодом и с пловдивской однодневной газетой 29-го года. Неавтономны они и в консервативно-авангардном проекте национал-трудовиков, или национал-солидаристов, они же — Национальный союз русской молодежи рубежа 20-х — 30-х годов. Но их газета «За Россию» не предлагает альтернативной даты, а обходит дату молчанием. Не из-за враждебности ко дню Пушкина, а, во-первых, поскольку ставит себе специфические цели и, во-вторых, потому что склонна считать любое огораживание заповедного участка Культуры (с главной буквы) несвоевременным. Структура поля проходит ряд этапов, и состояние, самосознание и императив либеральной автономности поля культуры (в отношении поля власти и поля рынка) является характерным только для одного из этих этапов.

6. В 1933 году происходит добровольное полу-подчинение «интеллигентской автономии» новому государство-центризму консервативного авангарда. Петр Первый ставится наравне с Пушкиным, о чем наглядно свидетельствует заглавная страница праздничного номера газеты «Голос труда» (№ 445/34 от 10 июня).²² Мы имеем основания считать, что здесь востребованны не столько либерально-западнические импликации петровских реформ, сколько их самоорганизационно-казармен-

---

ва) в *согласованность*, в *симфонию*. Причем поддерживается впечатление о скорее обоюдной (интеллигенции и духовенства), чем однонаправленной установке на конвергенцию. «Горизонты понимания родной культуры для нас расширяются все больше и больше, и мы знаем, что она началась не только от Пушкина и Петра Великого, а гораздо раньше [...]: от Владимира Святого и Владимира Мономаха» (о. Феодор Миляновский, «„День Русской Культуры“ (Смысл и значение праздника)», *Голос*, № 344 (от 4 июня 1931), 2). Хрупкое полу-равновесие недосогласованности взглядов (в т. ч. недовыговоренной разьединенности зарубежной Церкви) явственно проступает при анализе № 354 (от 26 июля) той же газеты.

²² Подробнее о заглавной странице этого номера см. в: *Периодика...*, 204. Она чрезвычайно интересна с точки зрения истории «визуального образа», как симптоматики культурной памяти и подсознания.

ный дух и характер.²³ С точки зрения интеллигентской психической самости, данный поворот можно объяснить предполагаемым феноменом (коллективного) отчаяния из одиночества. Интеллигенция нуждается в Другом, пусть и опекающем, отсюда апелляция к тени государства и приязнь к идеям правого (или консервативного) авангарда.²⁴

Историю автономного поля культуры в эмиграции можно проследить и иным способом: не «картографируя» чувствования Дня русской культуры, а отслеживая распределение во времени художественных и квази-художественных текстов пяти разновидностей: (1) текстов, питающихся сентиментальной или действительной воцерковленностью своих воспринимателей (это прежде всего святочные рассказы); (2) текстов, воспитывающих посвященность воспринимателей в новое, светское, но по-своему святое, общее дело (это прежде всего мартиролог анти-советской борьбы); (3) текстов, являющихся литературным коррелятом повседневности городской улицы эпохи рождения массовой культуры (это ряд фельетонов и анекдотов, обычно несущих самообозначение «фельетон»); (4) текстов, целенаправленно повествующих о трудовой повседневности эмигрантов²⁵; (5) прочие художественные тексты.

В период либерального состояния поля, мартиролог национальной революции маргинален, как форма проявления литературной культуры. Он поддерживается в издании авангарда: консервативного авангарда (если употреблять слово в традиционном значении) и авангарда *нерукоположенного* (если употреблять в значении Пьера Бурдьё), т. е. в газете будущих национал-трудовиков «За Россию». Очерки о «русских на ра-

---

²³ И явление газеты «Голос труда», и *не до конца* «эстафетный» характер связи между нею и ушедшим в небытие «Голосом» (ср. *Периодика...*, 191), ясно свидетельствует о характере совершившегося интеллектуального и социально-психического переворота, о подспудной консервативной революции. Подробнее см. в: *Периодика...*, 195–196, 197.

²⁴ Объяснение, отсылающее к годовщине основания Петербурга, 1703–1933 (благодарим Дмитрия Долгушина за напоминание), считаем крайне недостаточным.

²⁵ Серия очерков Дмитрия Василевича «Как работают русские» в «Голосе труда», прежде всего.

боте» появляются после подспудной победы «консервативной революции» 1933 года, в газете авангарда рукоположенного, отражающей новый этап в жизни всего поля, «Голос труда». Мартиролог и трудовые очерки, в отличие от святочных рассказов и фельетонизированных анекдотов, являются формами про-активного, а не ре-активного взаимодействия²⁶ с полями власти и рынка.

---

²⁶ Точнее: литературная культура адаптирует свои формы к наличному, в результате «арьергардных боев» или «боев» с «низом» (с одной стороны); или создает новые формы, воплощающие претензию на креативную социально-политическую позицию (с другой стороны). Уступка, контракт — и манифест.